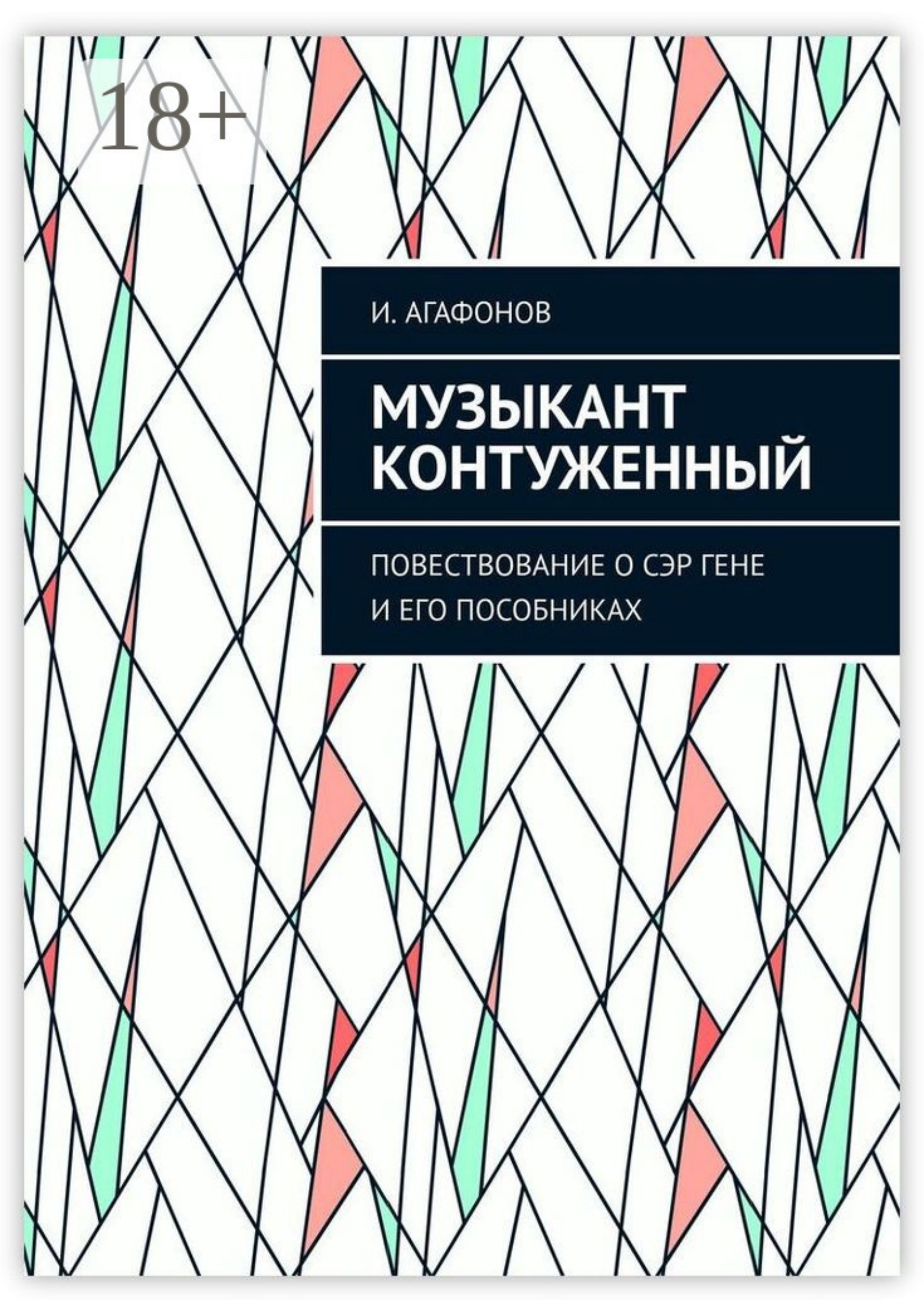

18+

И. АГАФОНОВ

МУЗЫКАНТ КОНТУЖЕННЫЙ

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СЭР ГЕНЕ
И ЕГО ПОСОБНИКАХ

Игорь Агафонов

**Музыкант контуженный.
Повествование о сэр
Гене и его пособниках**

«Издательские решения»

Агафонов И. А.

Музыкант контуженный. Повествование о сэр Гене и его
пособниках / И. А. Агафонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-599095-2

Творческая группа — певцы, поэты, музыканты... — отправляются в Чечню
ободрить, поразвлечь солдатиков, себя любезных потешить, развеяться, так
сказать. Наш знакомый музыкант и тут не обойдён вниманием и казусами, кои
нам с вами, скорее всего, не надобны, но достаточно любопытны.

ISBN 978-5-00-599095-2

© Агафонов И. А.
© Издательские решения

Музыкант контуженный

Повествование о сэр Гене и его пособниках

Игорь Аркадьевич Агафонов

© Игорь Аркадьевич Агафонов, 2023

ISBN 978-5-0059-9095-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

С утра пораньше я заскочил в тамбур электрички (съездить на работу за новым своим баяном) и уже схватился за ручки двери в сам вагон, когда мужик, указав пальцем на волосатое запястье своей руки, спросил:

– Время, братишка, не подскажешь?

Я тормознул и нацелился на свой бестолковый циферблат (мало того, что я неважно вижу поблизи – не доставать же очки, – так ещё и вместо нормальной цифири просто полосочки...)

Очнулся на скамье, сел... Мне частенько снится сюр – не сюр, но настолько яркие картины, что диву даёшься: откуда что берётся?! Откуда?!! Я ведь сроду не видал ничего подобного! Вот что поражает пуще всего! Вот что поражает-то! И сейчас я так и подумал: ну, гадство-паразитство, задолбали эти ваши сны! – тем паче, что сон-то был не ахти каков замечательный, он ничем не удивлял, скорее – разочаровывал... Но стоп, – нет, что-то в этом сновидении было не так. Ветерок пронизывал как-то уж очень явственно, реально и солнце кругом было разлито так обильно и нестерпимо резко, что я засомневался... глянул по сторонам. Картинка была мутной, расплывчатой. На высотном здании за вокзальной площадью сияли большущие буквы моего родного города. И стало мне внезапно страшновато: что-то сродни тому, как если бы я усомнился в своём рассудке. Нет, это уже чересчур – проснуться вдруг не в постели своей, не на диване перед телевизором, а почему-то на вокзальном перроне. Почему, с какого рожна?! Надрался? Не помню!

Тихо! Ти-хо. Ти-и-ихо. Всё прояснится. Не надо паниковать. Двигаем домой, и я поднялся, но тут же сел опять. Слабость и головокружение, холодный пот и сухость во рту. И чуть не стошнило – шершавым языком коснулся нёба. Но идти надо. И я повторил попытку, но уже осторожно, стараясь не раскачать, не расплескать то мутное наполнение своего организма. Утвердившись на ногах, я робко поглядел по сторонам, взялся за ухо – на пальцах осталась кровь. Та-ак! Похоже, я действительно навернулся... Кто ж меня тогда на лавочку уложил? – И медленно, стараясь аккуратно переставлять ноги – все выбоины асфальта ощущались ступнями, словно подушечками пальцев рук – осторожно пошёл. Шёл домой я бесконечно долго. Хотя о времени думать у меня не то что не хватало сил, а соображение вроде как отключилось, и я перемещался на автопилоте, на резервном, так сказать, питании. У своей двери потерял-таки равновесие (раньше времени расслабился, должно быть) и сел на пол, проскользив плечом по дерматину и ударившись локтем о ручку. Как раз этот удар и услышала мать.

– Боже мой! – запричитала она. – Что соседи подумают, что скажут?! – и стала тащить меня за воротник в квартиру. – С утра пораньше назюзюкаться! За баяном, видишь ли! Разве так можно? Взрослый человек!..

– Ма... – попытался объясниться я, но язык не слушался, поэтому молчком стал я помогать ногами – отталкивался, и переместился в коридорчик, а затем и на диван. Затем отключился и уже не чувствовал, как мать меня раздевала. Когда очнулся, потолок перед гла-

зами слегка раскачивался. Потрогал голову и обнаружил на виске здоровенную шишку. Ага, понятно. Однако, тем не менее ничего пока понятно мне не было.

...Врачиха поспрашивала о том-о-сём, сделала заключение о сотрясении мозга, наказала лежать, чего-то прописала и исчезла из моего сознания. Мать ушла в аптеку, а я, оставшись один в пульсирующей тишине, вдруг начал... вернее, из глубин памяти стала подниматься и проясняться, обретая выпуклость, вздрагивающая картинка.

Прояснилось до мельчайших подробностей. И эти два мужика, и свёрнутая в трубку газета в руке у одного из них. И значит, в этой газетине завёрнута была железячка? И до того вдруг обидно сделалось, потому что глупо, глупо, глупо! Не-ле-по!

В отчаянии продолжал я таращиться в потолок, поскольку от раздражения начинало мутить. То есть, мне было совсем не до эмоций. Надо вот только спросить у матери, что у меня пропало из карманов. Сумки нет, но чёрт с ней. Лишь бы документы не тронули...

Вечером позвонил Викентьев: поездка откладывается на неопределённое время. Предварительно сообщат. В другие подробности я вникать не нашёл в себе сил.

Через неделю, действительно, позвонили и назвали дату отъезда. И я стал вытаскивать себя к здоровому самочувствию – так я обозначил себе задачу. И буквально за день до выезда с удовлетворением осознал, что способен ехать, хотя неожиданно затемпературил. На зло врагам наберу таблеток, – не то из упрямства, не то ёрничая сказал я себе, – и вперёд. Труба клюкочет и визжит: зовёт-зовёт, зовёт вперёд. Возможно, это и бравада, но... Что «но»?.. После контузии я заметил за собой, что нередко теряю нить... Ну да ладно. В неожиданных перескоках тоже есть своя... хотел сказать прелесть... изюминка будет правильной.

Время от времени я имел привычку играть в реинкорнацию... Эти двое, с железякой которые, вряд ли обрадовались бы, если б узнали, что в следующей моей жизни я в облике крокодила встречу их где-нибудь, где они совсем не ожидают... Вот, допустим, они идут по берегу болотистой речки и совсем не подозревают, что за той вон корягой их поджидает крокодилова (то есть моя) пасть... Но, возможно, и не так всё произойдёт. Разбогатеи на грабежах, они заделались богатеями, имеют даже свой частный зоопарк – детишкам своим на радость. И вот им привозят новый экземпляр, отловленный по их же заказу в Африке где-нибудь. Крокодил этот на вид смирный, вовсе не кровожадный, но крокодил этот помнит своих обидчиков и дожждётся своего часа и разорвёт их в подходящий момент...

В эту ночь я решил не ложиться спать, потому что в семь утра надо было быть на месте сбора в Москве, то есть – такси, электричка, метро. И вроде времени должно хватить, но кто его знает – не был я никогда на шоссе Энтузиастов – ну, вот как-то не доводилось, хотя по Москве мотался вдоль и поперёк; и вполне возможно – возникнет какая-нибудь заковыка... А не люблю я суетиться, поэтому и предпочитаю на электричку ходить пешком – пусть далеко, зато наверняка. Да и променад в наши годы и при нашей профессии никогда не лишней.

Кроме того, по телевизору заполночь бокс покажут, затем «формулу один», так что в самолёте покемарим. И без того дрых последние две недели по двенадцать часов – выспался до полной отрыжки, что называется.

Я понимал, что такая словесная белиберда – признак неважного самочувствия, но... хочется-хочется на простор, возраст, что ли, такой...

В три ночи закончилась «формула» и я позвонил в таксопарк... Вскоре я вышел из подъезда:

– Привет.

– От старых штиблет, – таксист выдохнул запах водки, спохватился, что выдал свою нетрезвость, и с места рванул по выбоинам асфальта.

– Не спеши, друг, успеем, я не думал, что ты так скоро... давно не заказывал мотор, – сказал я ему с тем, чтобы по голосу моему он понял – не осуждаю я его вовсе – лишь дело разумеи, а там хоть залейся.

Но парень не понял намёка, гнал по ночным улицам, вписываясь в повороты с немислимым скрежетом колёс.

Касса ещё не открылась, и мне пришлось искать местечко среди пустых шатров, где днём торговали всякой всячиной, – здесь не так задевал ветер, однако до прихода электрички закончен основательно. Затем была промозглая электричка – малое число пассажиров не могло обогреть кубатуру вагона. Метро. И вот тебе обговоренный по телефону участок улицы. И час времени в запасе. Я прошёлся туда-обратно по тротуару, затем завернул в замусоренный двор, где имелись лавочки в таком же неуютном, неприбранном парке, выбрал местечко почище, освещённое ещё не греющим («неоновым» – мелькнуло в голове) утренним солнцем и достал бутерброды. Перекусив, опять вышел на «Энтузиастов», опять побродил туда-сюда, стараясь согреться. Тяжеленная сумка и баян тому поспособствовали. И вскоре, с наплывом утреннего люда, перезвоном трамваев и шумом-гамом другого транспорта стал я беспокойно озираться – не безукоризненно было обговорено место встречи: главное, ориентиры не были названы – вон хотя бы пятачок у телефонной будки, или вон магазин заморского шмотья, или, наконец, сколько метров от выхода из метро... И тут похожий по описанию автобус с войсковой эмблемой вывернул из-за угла и как-то раздумчиво прокатил мимо, точно пассажиры внутри него высматривали знакомых. Я бросился за ним, замахал рукой, но где уж нам уж невыспавшимся, да с поклажей в обеих руках за автобусами гоняться. Задохнулся, выругался, резко сбросил с плеча ремень.

На глаза мне попался мужчина с большой на колёсиках сумкой у ног – он пристально, гипнотизируя будто, смотрел на меня. И я медленно двинулся к нему, стараясь успокоиться и выровнять дыхание («Удав и кролик, черт возьми!»).

– Кажись, мы одного поля ягодки, – улыбнулся незнакомец. И я опять поймал себя на том, что голова моя работает не с полным кэпэдэ: ведь я не расспросил звонившего ко мне организатора поездки о составе группы.

– Бардджин Артур – журналист, поэт, – представился мужчина и крепко пожал мою руку. – Где же остальные гаврики?

– А шут их знает, – сказал я и прибавил, желая понять: видел ли он моё смятение, когда я помчался за автобусом? – Я вон за автобусом приударил – как чокнутый...

– Быва-ает, – растянул «а-а» мой новый знакомый.

2.

На той стороне шоссе роилась кучка людей, по всем признакам подходившая под категорию командировочных – большие баулы, сумки и знакомые ящики Викентьева с муззаппаратурой. А вот и он собственной персоной! И неожиданно для себя я закричал:

– Виктор! Викторик! Викентьев! Викентич!

Бардджин показал в улыбке слегка сточенные с правой стороны зубы, как если бы он во сне постоянно скрежетал зубами (вот такие, да, несвоевременные мысли приходят мне в голову совершенно неожиданно):

– Я чего-то не совсем понял, какое имя ты выкрикивал?

– Викентьев Виктор Викентьевич. В обиходе Виквик.

– Оригинально. Ну что, вольёмся в доминирующую, так сказать, группу? Или это надо посмотреть, где и кто доминирует? Может, пускай они вливаются? Ты у нас, как я понял, баянист. А что они смогут без баяна?

– Да нет, у них и другой струмент имеется. Я для них, скорее, частушечник-прибауточник. Хоровод водить, каблуками стучать...

– Да ладно приbedняться. Я сразу вспомнил, когда тебя гипнотизировал, что слышал твою игру в центральном доме офицеров.

– И что, не дурно?

– Да так, пожалуй, теперь никто и не сбаянит. Ни по телику, ни по радио я уже лет сто не слышал.

– Ну да, отдаём позиции потихонечку-помаленечку...

– Так чего, вливаемся, значит?

– Вливаемся.

И мы окунулись в подземный переход.

Всего участников поездки насчитывалось восемь. И оказалось, что когда-то уже все так или иначе пересекались. За исключением Бардджина с Викентьевым, которых я и представил друг другу.

В автобусе, подошедшем вскоре, я сел рядом с Бардджиным, поэтому мог прочесть, что он заносит в блокнот. Он же, похоже на то, специально не прикрывал свои записи и начал с меня:

«1 – Башилов Сергей Геннадиевич – баянист, закончил консерваторию, из военного ансамбля песни и пляски, 51 год, лауреат конкурсов...»

– Не надо дополнить? – он глянул в мою сторону, но я вяло шевельнул кистью руки, чувствуя, что меня клонит в сон. – Может, псевдоним тебе состряпаем?

– Зачем?

– Сам поймёшь сейчас.

– Ну например?

– От Сергея Геннадиевича само собой напрашивается – Сэр Ген. Годится, сэ-эр?

– Хм, никогда не подумал бы, что меня можно так обозвать.

– Пойдём дальше.

«2 – Виктор Викентьевич Викентьев, ближе к шестидесяти – заслуженный артист России, внешностью напоминает прибалтийца... с ярко выраженным чувством собственного достоинства. Победитель – если исходить из имени. Псевдоним многослойный – Вик-вик-вик, Викторвик и Виквик.»

Ишь ты – поди ж ты! – подумал я. – Экий пронизательный. По опыту прошлых поездок я знаю, что если всё начинается с прозвищ, которыми наделяют друг друга гастролёры, то это дело может закончиться лишь тогда, когда всем они будут розданы. Лучше, когда к этому относишься спокойно, тем более, что у многих уже давно эти псевдонимы в наличии имеются. Что касается Викентьева, я знаю его лет пятнадцать, уже привык к нему настолько, что не замечаю недостатков... вернее, уже давно пропускаю мимо сознания: некоторую авторитарность с примесью надменности и постоянное стремление держать под контролем окружающих... Но, естественно, свои мнения я держу при себе. Но тут с Артуром мы совпадаем. И, стало быть, он малый довольно пронизательный... ну да-да, литератор же. Сродни психологу.

Викентьев сидел с Рысьевой Ганной и что-то втолковывал ей, она же почти непрерывно смеялась грудным смехом, так что в конце концов можно было заподозрить, будто это у неё нервное... Когда-то у них был роман, кстати. Как насчёт возобновления? Вряд ли. По крайней мере, со стороны Виквика. Ишь как он дёргается, когда она жмётся к нему плечом.

«3 – Ганна Рысьева – носит звание... какой-то там хрустальный голос... уточнить; лет этак?..»

– Сорок, – подсказал я.

– Спасибо. Рысь – это ведь большая кошка. Она что, полячка? Судя по имени...

Я пожал плечами.

– Кличку сочиним, сэр?

– Мне на ум что-то ничего... Киса, может быть?

– Ладно, само собой выплывет впоследствии. Поехали дальше.

«4 – Алёна Добижа – певица, режиссёр-киношник, лет сорок пять... Молдаванка, что ли?..»

– Не забижай Добижу, она и так обижа... на. Природой.

Артур вопросительно приподнял брови, но я сделал вид, что не заметил этого «вопроса».

Алёна, между тем, непрерывно снимала видеокамерой всё подряд, точно задалась целью увековечить каждую минуту командировки. В её кармане заглянул мобильник.

– Ал-лè! – сказала Алёна. – Я в автобусе...

– Аленький? – посмотрел Бардджин на меня.

– Уж лучше Алё-алё.

– Ну-у... что ж. А может, Лёлёк?

– А, нормально.

«5 – Антон Мефодиевич Уланов – писатель-прозаик, шестьдесят с хвостиком...»

Тут Уланов, сидевший рядом через проход, ткнул пальцем в записи Бардджина:

– Можешь добавить, что побывал во всех горячих точках планеты.

Артур подчёркнуто послушно записал. Впрочем, подмигнул мне правым глазом.

– И какую кликуху мы ему прищандорим? – на ухо спросил он меня. – Мефодий?

– Точнее будет – улан.

– Почему?

– А понаблюдаешь – убедишься.

– Ну хорошо, повременим.

«6 – подполковник из Главка Александр Константинович Дронов – начальник нашей „экспедиции“, 33, холост, закончил академию»...

– Ну его точно можно Дроном обозвать.

– Тогда уж сразу Эскадроном. Александр – Саша – то есть эС. Константинович – Ка. Таким образом, что у нас получается: Эс – Ка – Дрон. Эскадрон.

Наш подполковник, сидевший на переднем сиденье у окна в кабину к водителю, подсказывал в этот момент белобрысенькому солдатику дорогу:

– Вон за тем поворотом будет транспарант... Шустри давай быстрее – опять мимо проскочишь!

«7 – я, моя светлость...», – Бардджин покрутил головой: «Кто ж восьмой? А-а!...»

«8 – Павел Куренок, 25 лет, уточнить, в каком качестве едет, просто муж Рысьевой Ганны? Что-то больно молод. На последнем курсе университета культуры... Неужели он так сильно влюблён? Чем может удержать молодого парня сорокалетняя женщина?...» – Артур вопросительно поглядел на меня.

– Понятия не имею. В жизни, как говорится, у-сё бывает.

– Что ж, ему даже и придумывать ничего не надо. Курёнок и всё.

– Не обидится?

– Пусть только попробует.

– Слушай, – опять приник к моему уху Артур, – а кто назначил Виквика художественным руководителем нашей группы?

– А что такое?

– Да так просто. Сам?

– Ну да, в общем. Я слышал, Дрон его спросил...

– Эскадрон.

– Да, Эскадрон спросил: кто будет составлять программу концерта, Виквик и взялся – раз к нему обратились. Он же, ишь, какой представительный. Да заслуженный, к тому же.

– О чём это вы там без конца шушукаетесь? – повернулся Уланов, выставив обе ноги в проход.

– Что, цензура не дремлет, Антон Мефодиевич? – не без ехидства осведомился Артур. И – мне: – Ну вот, для начала хватит, – и захлопнул блокнот. – А то трясёт.

– А я никогда ничего не записываю, – поглядывая в окно и позёвывая, сказал Уланов. – Память – она отсеивает всё лишнее. Что же касается цензуры, то она у каждого внутри сидит. А та, что допреж была – если Главлит имеешь в виду, – то ей далеко до нынешней – коммерческой.

– Но в репортаже необходимы точные сведения, а не сочинительство.

– Для репорта-ажа?.. Слу-ушай, тогда, может, и в нашу кляузницу скропаешь чего-нито? Вместо меня... я бы устроил. Ленъ обуяла. Да и винца хоться попить без оглядки.

Когда Артур заключил с Улановым сделку, он опять повернулся ко мне:

– Между прочим, сэр Ген, хочу обратить твоё внимание на двойное «д» в своей фамилии.

– Да? И что такое?

– А то, сэр. Я не только поэт, горланящий свои песни, но ещё и врачеватель. Как-то так вот сложилось, что полностью оправдываю свою фамилию, не то, что мой старший брат. – Артур хитро рассмеялся.

Почему-то когда речь заходит о братьях, то мне на ум является слово соперничество. Старший обязательно поучает младшего, а младший из кожи вон лезет, лишь бы доказать тому, что он тоже чего-то значит в этой жизни.

Артур продолжал:

– Мне цыганка в детстве нагадала – быть колдуном и вещателем. Попытался я прежде стать философом, спортсменом, коммерсантом, военным, ан нет – всё не то, вернее – не совсем то. Теперь же ладушки-оладушки – и врач, и писатель в одном разливе. Но ни о чём прежнем не жалею.

Либо он такой непосредственный, – подумал я себе, – либо... от скромности явно не помрёт. Скучно с ним, во всяком случае, не будет.

Мы уже подъезжали к аэропорту «Чкаловский».

В Ил-76 забирались по железной лесенке в дверь у самой кабины пилотов, потому что через опускающийся задний люк не было возможности – там стоял большущий контейнер с плазмой крови, как сообщила симпатичная медичка Светлана, сопровождавшая его. Личиком она напомнила мне однополчанина Васю-Василька (фамилия такая – Василёк), с кем я служил тридцать лет назад в Белоруссии. Захотелось спросить – уж не дочь ли она Васина? Почему-то не решился... вернее, может быть, не хотелось рушить иллюзию своей проницательности. А звучало бы весьма оригинально и даже ароматно – Светик Василёк.

Сперва в самолёте было жарко и душно, потому что борт был загружен до последнего кубического дециметра: даже на полу разместились спецназовцы, молодые совсем ещё ребята – и все выдыхали углекислый газ; потом вентиляция погнала холодный воздух – так что пришлось даже надеть ветровку.

Вглядываясь в лица ребят, я старался ощутить их настроение, но все они – физиономии (при всём разнообразии) – были как бы застёгнутые, непроницаемые. Артур, сидевший слева от меня, к примеру, записал себе: «Весь этот отряд летит в Чечню по своей охоте, иначе говоря: никто не отказался, не выставил причин...» В полёте всё подразделение вповалку заснуло. Меня рассмешило, как умащивались пятеро у самых моих ног – и так и этак пытались они улечься, затем как-то само собой получилось, что один, богатырского сложения парняга, оказался внизу и послужил подушкой для остальных четверых.

В этот момент «богатырь» встрепенулся и пробасил:

– Зорик, убери коленку с моего уха.

Маленький бурят, не то башкир открыл свои маленькие глазки, переложился на другой бок и опять поджал колени к подбородку, при этом он пробормотал нечто вроде:

– Выключи музыку в пузе, тостобокий. Спать мешает.

– Это он не тебе? – пригнул голову ко мне Виквик.

– Разве я толстобокий?

– Ну, самый увесистый среди нас.

– Самый увесистый это он, – кивнул я на «богатыря».

Тут «богатырь» опять заворочался и недовольно прогудел:

– Кто запердолил, блин!

И Зорик, не открывая глаз, откликнулся скороговоркой:

– О-очень доволен я нынешним супом.

Прямо извёл-лся, его дожидаясь.

Будто бы конь шевелю нынче круп-пом,
выразить счастье желая.

– Убью! – сонно сказал «богатырь». – Суп-то гороховый, сволочь ты этакая!. Ещё раз кто пошевелится – замочу натурально!

Зорик невозмутимо ответил:

– Господа!

Суп готов.

Для скотов.

– Заглохнешь ты или нет?

– Всё-всё. Сеанс терапии закончен.

– А у меня колени занемели, – сказал я, ни к кому не обращаясь, и водрузил ноги на футляр с баяном. Мне хотелось подремать, как наш Эскадрон, закрывший лицо кепи уже сразу на взлёте. Но... не хотелось быть запечатленным в спящем виде: Алёна Добижа неутомимо продолжала снимать своё кино, её остренькое личико с колкими, любопытствующими глазками полыхало азартом и неуёмной энергией, то и дело она показывала своим соседям – Паше с Ганной – окошечко камеры, прокручивая уже отснятый материал. Ганна восторженно приоткрывала ротик, показывая аккуратненькие зубки молоденькой зайчихи, встряхивала при этом пшеничной гривой – чёлка закрывала её глаза и она раздвигала её своими музыкальными пальчиками, при этом смеялась почти непрерывно грудным смехом, показавшимся мне поначалу истеричным, а теперь несколько искусственным. Куренок же, в отличие от жены, открыто позёвывал, обнажая свои лошадиные крутой желтизны зубы и бугристые дёсны. Но я уже слышал его смех и он мне понравился – так смеются неглупые, но простодушные люди. Его конопатое лицо выражало вроде как постоянное удивление окружающему миру, такие открытые лица мне всегда импонировали... Хотя не так уж и редко я ошибаюсь.

Артур-джин, пробравшись к кабине пилота, брал на диктофон интервью у загорелого мужчины в тельняшке, колдовавшем у приборов с множеством лампочек и выключателей. А вот и Улан Мефодич. Писатель сидел, нахохлившись, выпятив слегка губы, точно размышлял о чём-то не особенно приятном. Надо попросить у тебя книжку почитать, – решил я неизвестно почему и вдруг различил внезапную перемену в наблюдаемом лице, оно засветилось странной мечтательностью. Я проследил его взгляд – глаза устремлены на... Ганну. Ах ты, хмырь! Это что же, Пашкин соперник? Ну, давай посражайтесь, давай! А мы поглядим, повеселимся!

Самолёт пошёл на посадку. Сказано было, что в Энгельсе будет кто-то посажен на борт и погрузят какие-то ещё медикаменты.

Над землёй сияло расплавившееся в нечёткий жёлтый диск южное солнце. Воздух был мягок, ветерок нежен, но я, забыв в самолёте кепчонку, из опасения, что нос мой обгорит и зашелушится, побрёл к древесному колку в сотне метрах от лётного поля. Там, в тени, источавшей запах чабреца, расположились спецназовцы-попутчики (Или, скорее всего, мы их попутчики?). Ганна с Алёной (последняя опять снимала) пели им под плохонькую магнитофонную запись. Бойцы слушали внимательно, серьёзно и, пожалуй, даже чуть застенчиво (потому что когда им предлагали подпеть, они смущённо опускали глаза), при этом кто-то начинал ворочаться и прошлогодняя листва сердито шуршала.

Сиплю загудели турбины самолёта и с поля помахал своим кепи-хакки наш Эскадрон. Возвращаясь, я наломал пучок прошлогоднего чабреца.

– Чай будем заваривать, – я повернулся к Викентьеву: – Слышь, я всё хотел спросить: ты ж не в первый раз летишь в Чечню. Какие впечатления остались?

Виквик пожал плечами и призадумался.

– Хм. Пожалуй, два момента. Первый – это когда нас привезли в Моздок, поселили в казарме, сказали, что завтра будем выступать в местном госпитале и, только мы рассупонились, умылись и нацелились на ужин с руководством... – Виквик щёлкнул себя по кадыку. – ...поступает команда – летим в сто четвёртый полк – ну ты слышал, наверно, штурмовой-воздушно-десантный, из Пскова и всё такое. Летим, значит, в горы, в посёлок, кажется, Энгеной. Ну летим, всё хорошо вроде, пока, значит, маленькие горки были внизу, под нами. А потом пошли-пошли вверх – и это сразу-то не сообразишь, что вверх, потому что вертолёт идёт по самым верхушкам деревьев и кажется, что летишь по равнине, а на самом деле всё время в гору, оттого уши и закладывает. А потом – ух! – открывается перед тобой глыбокое-глыбокое ущелье, и вся эта панорама – красивая и жуткая в своей первозданности. И ты в страхе замираешь – как, ну не знаю, птенец перед первым вылетом из гнезда... хотя птенец что, он ещё мало соображает и птица всё же и генетика у него соответствующая. А тут!.. Слов нет. Я только почувствовал, что все внутренности из меня выпрыгивают, как вертушка наша ухнулась вниз, в эту пропасть, и также как по склону горы поднималась, теперь мчится вниз на бреющем. Ощущение, скажу я тебе, более чем... Я только подумал: ну не чёрт ли нас понёс по таким сопочкам, лучше бы я в госпиталь отправился петь, чем так... лётать. Потом мне уже объяснили, что приходится такие манёвры проделывать – иначе могут сбить, пока ты там орёликом паришь. А что касается внезапности отъездов-приездов, то это, как я сам догадываюсь, из соображения безопасности. Нам и после потом с вечера говорили, например: летим туда-то, а на утро, глядь, совсем в другую сторону. Там же у всех разведка начеку, ловят радиоперехваты и так далее. Вот.

– И это всё?

– Не совсем. Прилетаем, садимся на пяточок земли, так что из окошка вертолёта краёв этого пятачка не видать и потому ощущение, что в пропасть валимся. Но это ладно. Палаточный городок замаскированный, лица солдат, начинаем выступать, а мне и шепчут: в Моздоке взорвали госпиталь... представляешь, сэ-эр?

А он то откуда сие обращение извлёк – раньше так не называл – Артур распространил уже? Ух каков шустряк, однако.

Я почесал в затылке: честно говоря, я не был готов прочувствовать сказанное про госпиталь – это походило на информацию по телевизору.

– Ну а второй момент?

– Второй момент... Выступаем опять же у чёрта на куличках и всё вроде хорошо – по крайней мере, лица, что я различал перед собой, были внимательны... А потом, уже за столом, один офицер возьми да и брякни: «Вот чего вы к нам приехали? Прошлый гость хоть компьютер привёз. А вы? Песни? Соловья баснями кормить?» – ну, в общем, что-то в этом роде...

– И что ты ответил?

– А что тут ответишь?

– Зачем же ты едешь опять?

– Ну, во-первых, может, он один такой хозяйственный... он ещё всё насчёт благ всяких толковал... Получим-де то да сё... награды, имел он ввиду, всякие к пенсии льготы...

– А во-вторых?

– Ну, я не знаю – во-вторых или во-первых... Ты вот зачем едешь? За благами? Я тебя давно знаю... Ведь скорее всего ты едешь, чтоб хоть на время почувствовать вкус другой жизни.

И все так-то. Ну, в основном. И за впечатлениями. Хотя и думаешь: а не дурак ли я? И хочется, и колется, и мама не велит.

- Что-то новое в твоём репертуаре.
- А главное, со мной теперь безопасно ездить.
- Это почему же?
- А видишь, относит меня от беды.
- Это хорошо. Но ты бы всё же сплёвывал через левое плечо...

Виквик повертел головой, делая вид, что некуда, мол, плюнуть – всюду сплошь народ уважаемый, и улыбнулся.

- Ладно, как говорят, Бог не выдаст – свинья не съест.

3.

В Моздоке зной (точнее, пот) в одно мгновение прилепил мне рубашку к спине. Поэтому, пока готовили вертолёт к взлёту, я выбрал местечко под одной из лопастей – она бросала узкую тень на бетонку, однако этого мне вполне хватило, только сандалии высовывались под солнце и в две минуты накалились так, что я отдёрнул пальцы, наклонившись поправить носок.

- Ах ты, ёлочки зелёные мои!

Ганна прищурилась на меня, и я спросил:

- Не боишься поджариться, принцесса?
- Люблю жару в начале мая, – весело ответила она.
- Нет уж, Ганнушка, надо побережись, – выразил свои опасения Паша, – с непривычки можно упасть от такого солнышка.

– Лапушка, – Ганна взяла супруга под руку и, отводя в сторону, замурлыкала, – мне загар разве не к лицу? Ты не находишь, птенчик ты мой?

– Нахожу. Но сэр, по-моему, в данном случае прав. Мы ведь из тусклого Подмоскovie выскочили – организм должен приспособиться к новому климату. А тут нужна постепенность.

– Ну и вот, ты сказал – я выслушала, как паинька. И я тебе отвечаю, что прекрасно себя чувствую.

– Как думаешь, – вплотную приблизился ко мне Улан Мефодич, – удастся раскрутить эту кралечку?

- Ты на что намек-кекиваешь? Чтобы я не мешал? Или тебе интересна реакция её мужа?
- Какой он ей муж. Салажонок.
- Неужели тебя интересуют такие мимозы?
- На вкус и цвет, и на запах, брат мой...

Мне опять пришлось пожать плечами: ну не хватает сегодня смекалки... в морализаторство уклон. С чего бы это? Контузия, что ль?

- Сморчок и есть. А я, между прочим, в прошлом боксёр. И сейчас ещё могу отмахнуться. Явный запах коньяка сделал мне понятным его речи. Я лишь подумал: в такую жару!..

Хотя, хм, в всех горячих точках побывал... привычен, знать.

- Желаю удачи. Только возьми и меня в расчёт тогда уж.
- Что, тоже запал?
- Да ради спортивного интереса. Посостязаемся?

Улан Мефодич посмотрел мне в глаза, отошёл шага на три и уже с этого расстояния погрозил пальцем.

«Ишь ты, старый хрыч. Туда же... – я воспринял его слова как шутку: – Ну-ну. Как бы эта кошечка глаза тебе не выцарапала, Мефодя».

– Это про каку-таку кошечку вы тут нашёптываете? – незаметно подошёл Артур-джин. – Хотел бы остеречь – рысь, конечно, кошка, но зверь довольно крупный... и нападает внезапно, потому что коварна.

- Вот и я про это.

– Не таких обрабатывали, други. Вам и не снилось, каких я брал.

– Ну-ну, – усмехнулся Артур. – Мы чо – мы ничо. Действуй, коли такой активный. А мы посочувствуем, получи ты облом.

– Э-э, – отмахнулся Улан, – чего с вами разговаривать. Малокососы...

Загудели двигатели, лопасти пошли по кругу, рассекая на куски солнечные лучи, началась погрузка вещей.

– Ну чего, понял теперь, – крикнул я на ухо Артуру, – почему улан?

– Понял-понял. А за молокососов ему следует впаять...

Мне никогда не доводилось летать на вертолете, и я с беспокойством прислушался к своему желудку, когда один из вертолётчиков, заходя в кабину, насмешливо обратился с вопросом:

– Пакеты у всех имеются?

– Какие пакеты? – не поняла Алёна.

– А мы в шапки свои, – сказал Улан Мефодич и, повернувшись к Добиже: – Твоя не годится – с дырками потому что.

Наш Эскадрон погладил свой живот и уткнулся головой в чью-то сумку – очевидно, не нравился ему вертолёт. Алёна попросила меня поменяться местами – ей в открытое окно удобнее было снимать, но вскоре аннулировала обмен, потому как её чуть ли не сдувало с сиденья. Мне, впрочем, тоже пришлось лечь грудью на свои колени, но воротник рубашки хлестал по шее так больно, что я сел на корточки. Хотел закрыть окно, но духота была невозможной... Ладно, сорок минут – не четыре часа. За Терекком, вода которого напоминала вязкое какао, от брюха вертолёта стали отлетать нечто напоминающее сигнальные ракеты. Их первый отскок слегка насторожил всех, кроме Эскадрона, который всё также упирался лбом в сумку.

– Чего такое? – спросила Ганна. Ей объяснили: для отвода ракет, которыми боевики могут в нас запулять, и она повернулась к окну – сторожить очередной залп, при этом приоткрыла ротик.

– У-ти-ти, моя крошка! – пропел Улан Мефодич, стараясь при вираже коснуться плечом её плеча.

Гад-Улан! – беззлобно подумал я. – Уведёт-таки бабу из-под мужниного носа. Ох уж эти пис-сатели! – я посмотрел на Павла. Но он, как мне показалось ещё раньше, был безучастен к играм своей супруги, или привык. Впрочем, я тут же обнаружил ещё одно заинтересованное лицо: Алёна глядела на Ганну с ревливой, что ли... ну не скажу ненавистью, но достаточно обжигающе.

А вертолёт мчался над землёй так низко, будто желал сбрить кусты и даже траву, взмывая лишь над проводами электропередач и уходя то влево, то вправо, будто с очередным отстрелом ракет из-под брюха его отбрасывало в противоположную сторону. И прямоугольники распавшихся и кое-где уже зеленеющих полей раскачивались сообразно этим маневрам.

Интересно, чем засеяны? – почему-то подумал я.

На аэродроме в Ханкале нас ожидали броневичок и бронированный микроавтобус. Вещи в кузов «Урала» помогали грузить солдаты. Их небрежность повергла Виквика в негодование.

– Вы же сами себе сорвёте концерт, – попытался он срывающимся голосом перекричать шум вертолёта. – Ап-паратура любит бережного отношения! Это ж...

– Да то винтом сдуло, – ответили ему.

Артур, заметив свой чемодан в пыли на боку, скорбно заметил:

– Так новые вещи превращаются в старье.

– И уже не радуют глаз, – не без язвительности согласился с ним Улан Мефодич.

– Отвали, Мефодя! – понял я по губам Артура.

– Мало того, – подсуетился Паша Куренок, – у некоторых они вызывают приступ стенокардии.

– Молчи, – одёрнула его Ганна.

– А то побьют, – заключила Алёна.

– По коням! – скомандовал Эскадрон. – Глотнём местной пыли. Она тут что извёстка – едкая-а!

– А что это за дым кругом, даже горы едва проглядываются? – озирает Паша окрестности.

– От стингеров. По разведанным у чехов ещё четыре «иглы» осталось, – ответил один из встречавших нас офицеров. – Вот и зажигают дымовые пашки. Слыхали, может быть, анадысь борт шибанули.

– С людьми?

– Ну не с баранами же, – бросил раздражённо Улан Мефодич и даже ощерил зубы. Ему Паша явно не импонировал своей смешливостью и способностью удивляться всему, что было в диковинку.

Мне показалась странной такая реакция Мефодича. Но Паша не обращал внимания на выпады в свой адрес – это было либо свойством его натуры, либо какой-то ущербностью в психике. Такой, по крайней мере, вывел предварительный диагноз Артур:

– Обрати на это внимание, – сказал он мне.

– А мне-то зачем?

– На всякий случай. Ганка наводит на тебя лорнет, сэр.

– На меня? Хотя ты и джин, но чутьё тебя подводит. Её кокетство меня мало волнует.

– Это ты будешь объяснять травматологу.

Я внимательно посмотрел вслед Артуру (он побежал поправить свой багаж в кузове): меня всегда беспокоят настойчивость, с какой мне делаются предостережения – причём, остерегаться, как правило, следует того, кто остерегает...

– Это Терский хребет, – загибал пальцы Паша. – А это?

– Сунжинский, – подсказал я. – Ты лучше записывай. А то я заметил – лишних вопросов тут не терпят.

– Спасибо.

– Жара предполагает раздражительность, – заметил я безотносительно к кому-либо. – Шас умоем рыло, поваляемся с полчаса и всё будет о-кэй. Да, Саша?

Эскадрон обернулся, уже занеся ногу в броневик:

– Концерт в восемь вечера. Потом ужин у командира. Таков предварительный план.

– Фазан, – буркнул Мефодич, – фазан и есть. Ни слова попросту. Сплошной устав и циркуляр. Даже скушно становится. – И отвернулся.

– А чего же скушного, если ужин у командира? Чай, коньячком побалует.

– Ну разве что это одно и радует.

Я посмотрел на его затылок с редкими волосами и не сумел определить – какие на самом деле чувства вызывает во мне этот помятый и потный писатель. Мне-то как раз наш Эскадрон понравился: атлетичен, уверен в себе, глядит в глаза внимательно и спокойно, мыслит чётко и быстро... Как-то надёжно за ним. Улан же брюзжит потому, очевидно, что у него просто исчерпались спиртные запасы.

«А вот выпьем вечером и всё наладится...»

– Это было бы замечательно, – точно расслышал мою мысль Мефодич и потёр ладонь о ладонь.

В этот момент с моей головы сорвало кепи, и она спланировала за полутораметровый ров. Я прыгнул и едва не сверзился в канаву: ноги оказались ватными. Ай-яй-яй, совсем забыл... про контузию. Однако с высадкой на Чеченскую землю я почувствовал себя на удивление здоровым, такое со мной уже случалось однажды – когда я приехал в Крым, – климат, целебный воздух тому ли причиной. Или же истина крылась в том, что начинали разворачиваться некие события – они захватывали, тормошили, придавали вкус существованию...

– По машинам!

И попылили.

4.

Мужчин (кроме Улан Мефодича, которому, как мэтру отечественной литературы, отвели отдельные апартаменты) разместили в крайней кирпичной казарме, женщин – в следующей, что ближе к пыльному плацу. Я обратил внимание, как быстро Артур сориентировался и занял удобную койку у окна для себя и для меня напротив. Ишь ты! – я искренне восхитился, ставя баян у стенного шкафа. – Журналист... ухватист... молодцом. И вслух выразил одобрение общего плана:

– А что, всё цивилизованно. Есть где умыться.

– И чайку попить, – добавил Виквик.

– Принимается, – и Артур стал распаковывать свой багаж. – Пирожки, пирожки, кто желает пирожки? Между прочим, сам испёк. С грибами и картошкой.

– Ты разве не женат? – спросил Виквик и не получил ответа.

– Моя любимая пища! – захолопал в ладоши Паша.

– Вроде тощ, а жрать горазд, – заметил Мефодич. Ему почему-то не хотелось уходить от компании в свои апартаменты.

– Жаль, холодильника нет, закусок пропадёт, – я лёг на свою койку и устроил ноги на железную спинку. – Чтой-то ноженьки мои занемели. Сунуть, что ли, их под кран, чтоб покраснели?

– А почему бы и нет, – снимая рубашку, согласился Виквик, – это тоже хорошая идея.

– Там Ганка в обморок грохнулась, – влетела в комнату Алёна. – Павел!

И Паша помчался за ней.

– Я ей говорил, я ей говорил – солнце!

– Ну вот, начинается, – сказал Виквик, садясь за стол и кладя перед собой лист бумаги. – Дурёха она и есть дурёха. Надо уже программу составлять... Вот способна она теперь выступать? Может мне кто поручиться?

– И не сомневайся, – хмыкнул Артур. – Чего-чего, а на концерт она из гроба встанет. – И мне: – Заметь, как заполошно бегают наш Курёнок – точь-в-точь как цыплёнок. – Он сел на кровать и что-то быстро стал записывать в блокнот, затем повернулся опять ко мне:

– Послушай новые стихи, сэр Ген! – И стал читать.

Виквик с неудовольствием поглядел на него исподлобья.

– Что, мешаю? – спросил Артур, прищурия глаза.

– В общем, да.

На губах Артура промелькнула кривая ухмылка. Он взял свой чемодан-сумку, бросил на кровать и стал вынимать вещи – костюм, туфли, галстук... кроме необходимых в командировке вещей, у него было много всяких изящных штучек, – несколько зажигалок, ножнички, щётка одежная и другие щёточки и прочее-прочее, назначения чего я даже не смог определить.

М-да, а вы в чём-то схожи, братцы-кролики, – у Виквика, я знал, был набор не менее разнообразных вещей – правда, все они в основном имели прикладное (к муззаплатуре) назначение, но почему-то мне захотелось провести параллель – это у меня была такая игра – можно сказать, хобби: поиск сходства и отличий в людях. – Страсть к фетишизму – это что, снобизм или болезнь?.. – И вслух:

– Ты деньги старинные не собираешь, Артур-джан?

– А что такое? Есть предложение? Я современные собираю. Чем крупнее и больше, тем лучше.

– Нет, ты видел! – сказал он мне уже позже, когда мы выходили из помещения. – Я ему, видите ли, мешаю. Он мне – нет, а я ему – да. О, деятель! Худрук хренов!

- Да зря ты так заостряешь.
- Почему же зря? Взял на себя руководство, так нечего изображать из себя персону-VIP. А таким дашь слабинку, они тут же оседлают. Поверь мне, психологу. Кстати, как я выгляжу?
- Нормально.
- Не мятый пиджак.
- Сойдёт.
- А галстук подходит?
- Годится, – успокоил я его, хотя ярко-жёлтый цвет показался мне несколько, что ли, претенциозным, канареечным. – Ты что, стихи будешь читать?
- Я бы и спел, да вот гитару не взял.
- Так давай, я тебе подыграю.
- О-о! А я как-то и не сообразил. Дай-ка помогу нести баян.
- Ничего-ничего, я привык. Свой струмент руки не тянет.
- Ну хоть немного – для подхалимажа...

Клуб был переполнен. На сцену артистам надо было выходить прямо из двора между палатками. Однако это было скорее преимуществом, чем неудобством. В зале висела вязкая духота, а за дверью опускалась пряная свежесть южной ночи, накрывшая в одно мгновение палатки и горы вокруг.

Викентьев исполнил две песни – первую под мой баян, вторую под аппаратуру, которой поручили заправлять Паше (кстати, пока не пойму его роли – получается, Ганна возит его с собой как медбрата или реквизит). Далее Алёна, Ганна (они вытаскивали на сцену солдат из первых рядов – подпевать и подтанцовывать, что определённо тормозило и вносило оживление даже в очень застенчивых), Артур Бардджин (стихи, баян) и в заключение опять Викентьев. Впервые слушая незаурядную песню «Блок-пост», я неожиданно для себя стал подыгрывать, вплетаясь в аранжировку записи, так что Виквик оглянулся и показал большой палец.

А что, вспомнил я, самое время передать приветствие от Володимира. Сказать: вы, друзья, прослушали щас музыку Виквика, то есть песню Викентьева, на стихи Силкина, лауреата госпремии, и он просил вам кланяться так же, как раскланялся только что...

- А теперь все вместе! – взмахнул Виквик, как дирижёр, руками и зал подхватил:
- Не возьмёт меня снаряд!
- Снайпер не дотянется!
- С битым сотню раз подряд
- Ничего не станется!

Поскольку, аккомпанируя, я стою сбоку и чуть сзади исполнителя и могу его наблюдать, во мне выработалась привычка определять для себя психологический портрет солиста (ну то самое, упомянутое чуть ранее, хобби и тут находило себе пищу).

Вот, допустим, Алёна. Её внешность не предполагает исполнение любовных романсов. Она, неглупая баба, это понимает, потому и сосредоточилась исключительно на патриотике и на игривых куплетах, куда вплетались имена и дни рождения бойцов, заранее отобранных с помощью местного кадровика.

Викентьев же, в самом деле, чем-то схож с Бардджиным... ну хотя бы тем, что постоянно хочет править бал... Впрочем, Виквика я знаю, как опять же замечено ранее, очень давно и знаю, что это всего лишь маска. Точнее, защита: меньше донимают просьбами и капризами. Артур же, мне кажется, по-настоящему агрессивен.

А вот Улан Мефодич – этот лишь только с виду простак, но, как выясняется, довольно занозист и себе на уме...

Да, здесь каждый тянет одеяло на себя. Но это так естественно. Для артистов. Та же Ганна, скажем... чего она, кстати, не поделила с Алёной?..

Тьфу, с этими дурацкими мыслями и приветствие не передал... Ладно, успеется.

Словом, первый концерт удался. Единственно, что омрачило настроение... Артуру – Улан забыл (?) выписать ему грамоту у командира части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.